

УДК 821.161.1

Е.Ю. Калягина

Вологодский государственный университет

ОБРАЗ ЦВЕТУЩЕГО САДА И ЦВЕТОВ В ПОЭЗИИ С.Н. МАРКОВА

В данной статье рассматривается образ сада в поэзии Сергея Николаевича Маркова (1906–1979). Показана трансформация этого образа: от отдельных описаний цветов в ранних стихах любовной тематики до расширения его в символическое изображение жизни в целом. В статье представлен анализ стихотворения с персонифицированным образом садового цветка, на примере которого дано понятие синкретичного субъекта. Через семантику красного цвета выявляется важность цветовых определений в поэзии С.Н. Маркова.

Сад, садовые цветы, любовный мотив, цветовые определения, оттенки красного, неосинкретичный субъект, семантика цвета.

Образ сада играет немаловажную роль в поэтическом наследии С.Н. Маркова. Цветущий сад как символ жизни представлен в стихотворении «Колос» (1953). В нем поэт открыто манифестирует свою жизненную позицию:

*Расту, чтоб жить в грядущем.
Не о себе мой вздох:
Еще в саду цветущем
Живуч чертополох.
.....
Я охватил корнями
Столетние пласты [5, с. 19].*

С.Н. Марков изучал историю русского языка и русского народа, что поэтически выразил в циклах «Истоки» (сборники «Радуга-река», 1946 и «Стихотворения», 1985) и «Русская речь» (сборник «Светильник», 1986). Через изучение и сохранение древних корней нашей земли он надеялся преобразить настоящее, убрав все наносное, не имеющее истинной ценности (что в данном стихотворении представлено в образе чертополоха). Будущее в образе цветущего сада возможно, если постигнута и оценена мудрость предков.

В связи с этим приведем тетрадную запись писателя, которую нашла в его папках жена Маркова Галина Петровна: «Скрипнули двери старинного книжного шкафа. Я на мгновение ощутил невыразимый запах кожаных переплетов, столетней бумаги и еще чего-то, заставившего вспомнить о дыхании фиалок» [8, с. 4]. Каким-то чудесным образом запах садовых цветов и древних предметов переплетались у Сергея Николаевича в гармонию совершенного мира!

Вот что говорит по поводу сада Д.С. Лихачев: «Недаром во все времена и во всех религиях рай воспринимается как сад. То есть как единение человека с природой. Это тоже культура. Отношение к природе –

это одно из величайших проявлений культуры. Внутренней, духовной культуры человека» [2, с. 186]. В поэзии Сергея Николаевича Маркова нередко спутницей лирического героя или его возлюбленной становятся садовые растения: сирень, виноград, левкой, тюльпаны, гвоздика, мак.

Уже с первых стихов цветок, с описания которого начинается стихотворение, является предвестником любовного мотива:

*В ночном окне, как облака,
Росла цветущая петунья.
Мы пили мед... [3, с. 287].*

Часто в стихах появляется образ герани. Сначала этот комнатный цветок – простой обитатель подоконников (Омск, 1919, Круглый двор – 1929). Герань как признак наличия любовного мотива войдет в лирику поэта позже – в 30-е годы. Тогда же особое значение приобретут и цветовые определения в описании растений, характерные для поэтики С.Н. Маркова: *багровый мак, огненные гвоздики, алая рябина, багряные ягоды клюквы* и т.п. Так, на цветовой семантике будет обыгрываться сравнение ягод с образами разных по характеру женщин в стихотворении 1950 года «Ягоды»:

*Бруснику бело-алую
Боярышней пожалую –
Покуда молода... [6, с. 186].*

Заметим, что в основном в цветовых определениях поэта Маркова встречается красный цвет (и его оттенки) – цвет страсти, любви, энергии.

В «Русской шутке» (1936) лирический герой мечтает о жизни в славном городе Торжке:

*Где на окнах в утреннюю рань
Красным светом теплится герань.
Там вдову-красавицу найти [3, с. 33].*

В данном контексте красный означает тепло и уют домашнего очага. Конечно, и присутствие суженой. Та же семантика в тексте «Рябинин-город» (1938) – начало стиха: *Цветет в Рябинине герань.*

Совсем редко встречающийся в поэтическом творчестве Маркова мотив ревности – основной в стихотворении «Ревнивцы» (1929). В отношении заглавия и текста мы обычно говорим об эквивалентности смысловых единиц разного объема. Здесь же слово «ревнивцы» шире по значению содержания стиха, т.к. вскрывает еще и психологические переживания поэта. Сюжет о сцене измены и наблюдающем за этой сценой цветке вырастает до сюжета о ревнивцах в целом. Образ же засохшего левкой представляет собой аллегория: он раскрывает в рамках данного стиха механизм ревности.

Почему все-таки ревнивцы, а не ревнивец? У лирического героя стихотворения есть двойник – цветок. Именно ему лирический герой передает свои ощущения, делит с ним свои страдания. Позже, в романе «Юконский ворон» (1941), главный герой – лейтенант Загоскин – объяснит подобного рода психологическую защиту: когда очень больно, хочется передать (перенести) это чувство на другое живое существо, вообразить, что кто-то другой переживает эту боль, и тебе от этого становится легче. Такая же психологическая замена действует и в ситуации, описанной в «Ревнивцах»: лирический герой переживает измену возлюбленной, ему очень больно, и он «придумывает» для себя, словно это не он, а цветок ревнует и страдает.

Замещение лирического «я» субъектом в образе цветка создает возможность применения приема персонификации. Если в первой строфе еще есть местоимение *я*, которое семантически противопоставлено другому местоимению: *твой, твоей*, то вторая строфа начинается со слов: *Он умер ночью, не дыша...* И далее вся картина дается увиденной цветком. Композиция стихотворения – кольцевая. В первой и последней строфах лирический герой ведет диалог со своей возлюбленной, в котором цветок – объект изображения. Вторая и третья строфы – описание переживаний лирического субъекта, представленного в образе цветка. Здесь нарушена временная последовательность: если вторая строфа представлена глаголами совершенного вида: *умер, оставила* (констатация факта смерти), то в третьей мы видим глаголы несовершенного вида: *слышал, тревожили, видел* (наблюдения и переживания перед гибелью). Причем цветок действительно показан как живое существо, поэт изобразил наличие души: *Его лиловая душа оставила сухое тело* [3, с. 282].

В разбираемом нами стихотворении речь идет о неосинкретичном субъекте (термин С.Н. Бройтмана). Самсон Наумович в своей монографии [1] объясняет неосинкретизм как изначально нерасчлененность «я» и «другого». В данном стихотворении провести грань между лирическим «я» и цветком можно только в первой строфе, где осыпающийся левкой – демонстрация того ужасного (для лирического героя) поступка, который совершила лирическая героиня. Далее цветок – это уже не объект описания, а действующий субъект. Он находится в той же комнате, где

происходит измена (даже у кровати возлюбленной) и становится наблюдателем этой сцены. Происходит, по словам Бройтмана, интегральность самого образа лирического героя: природа становится субъектом, а «я» символически стремится стать природой.

Обратим внимание на то, какой цветок перед нами. Левкой – это садовое растение. Д.С. Лихачев отмечал: «Сады и парки – это тот важный рубеж, на котором объединяются человек и природа» [2, с. 177].

Еще одно садовое растение – мак. Важную роль как субъект он играет в стихотворении «На дне походного мешка...» (1941). На войне лирический герой вспоминает:

*И рос у нашего окна
Мак одинокий и багровый* [3, с. 253].

Цветы в стихах Маркова всегда ассоциируются с образом любимой. Эпитеты, примененные к маку в данном стихотворении, несут дополнительную семантику: о маке вспоминает герой, который уже испытывает одиночество и видит кровь, и мак в данном контексте выступает предвестником разлуки и войны. Сухое крыло мотылька, которое тщетно ищет герой на дне, – это память об ушедшем лете. Интересен эпитет к слову потеря – *нежная*. С нежностью вспоминает лирический герой в своем сне о пчелах, цветах, любимой. Последняя строфа построена по принципу антитезы. Противопоставляются два мира: сон (в котором *нежное крыло мотылька*) и действительность, где рука нащупала *холстину грубого мешка*. Две рифмующиеся строки в конце стихотворения *В сиянье майского простора – И лед ружейного затвора* рисуют яркое противопоставление тепла – холода, простора – ограниченности пространства (затворить), мира природы – человеческого, рукотворного мира.

Как и сухое крыло мотылька, герой в стихотворении «Багратион» (1945) припрятал на войне цветок:

*А в бурке – побелевший василек,
Покрытый пылью и засохшей кровью* [3, с. 256].

Заметим, что, как и в стихотворении «Ревнивцы», умерший цветок изначально не красного цвета. В этом отношении также интересен образ черного тюльпана («Черный тюльпан», 1956):

*А она в стране, где тюльпаны росли,
Достала темный цветок,
Напрасно я ждал из чужой земли
Хотя бы один лепесток...
Сказала мне, что в дальней стране
Стоял океанский туман;
Там занемог, умер во сне,
Канул во мглу тюльпан* [4, с. 236].

Вспомним для сравнения строчку из стихотворения «Ревнивцы» про левкой: *Он умер ночью, не дыша...* Гибель садового цветка символизирует разлуку, разъединение двух любящих сердец.

В поздней лирике С.Н. Маркова красные цветы ассоциируются не только с образом возлюбленной, но также и с философским поиском («Я искал к бессмертью мост...», 1964). В первой строфе привычный ассоциативный ряд, словно перед нами снова любовная лирика:

*Находил в свеченье звезд
Губы, плечи и цветы.*

Далее цветы описаны на фоне ночи, лирический герой уже видит в них недостижимость небесных высот:

*Пусть в окне синееет ночь
И цветы – красней огня.*

Не в синем ночном небе, а именно в красном цвете гвоздик он жаждет найти ответ о смысле жизни:

*Угадать в огне гвоздик
Отблеск пламенных миров!* [4, с. 310].

Такие стихи редки у С.Н. Маркова, обычно все-таки он живописует земную красоту, передавая реальные краски природы. Хотя привычный красный цвет позволяет говорить о том, что и мост к бессмертью лежит через любовь.

Литература

1. Бройтман, С.Н. Русская литература 19 – начала 20 века в свете исторической поэтики: Субъектно-образная структура / С.Н. Бройтман. – Москва, 1997. – 307 с.
2. Лихачев, Д.С. Природа. Влияние природы на судьбу народа и страны / Д.С. Лихачев // Лихачев Д.С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. – Москва, 2006. – С. 153–186.
3. Марков, С.Н. Светильник: Стихи / С.Н. Марков. – Москва, 1986. – 320 с.
4. Марков, С.Н. Серебряный простор: Стихи / С.Н. Марков. – Москва, 1978. – 288 с.
5. Марков, С.Н. Стихотворения / С.Н. Марков. – Москва, 1985. – 317 с.
6. Марков, С.Н. Топаз: Стихотворения / С.Н. Марков. – Москва, 1966. – 232 с.
7. Марков, С.Н. Юконский ворон / С.Н. Марков. – Москва, 1977. – 384 с.
8. Маркова, Г. Сергей Марков в Великом Устюге / Г. Маркова // Красный Север. – 1991. – 17 июля. – № 141. – С. 4.

E.Yu. Kalyagina

IMAGE OF A BLOOMING GARDEN AND FLOWERS IN S.N. MARKOV'S POETRY

The article presents the analysis of the image of a garden in the poetry by Sergey Nikolayevich Markov (1906–1979). The transformation of this image is traced from separate descriptions of flowers (in Markov's early love poems) to the symbol of life in general. The article contains the analysis of the personified image of a garden flower which exposes the concept of a neosyncretic lyrical subject. The author also reveals the importance of colours in Markov's poetry.

Garden, flowers, love motif, colours' determinations, tints and shades of red, neosyncretic lyrical subject, colours' semantics.